

ПОГРЕБЕННЫЕ

ЛЕГЕНДА О МААТ

Оушен Паркер

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П18

Иллюстрация на обложку *uminoko*

Иллюстрации *LevandaArt*

Паркер, Оушен.

П18 Погребенные. Легенда о Маат / Оушен Паркер. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 512 с. — (New Adult. Молодежные бестселлеры).

ISBN 978-5-17-164608-0

Врата в Дуат открыты. Древние боги вырвались из заточения и требуют расплаты. Маат, не помнящая своего прошлого, не ведающая правды, вынуждена выбрать сторону, чтобы найти истину и спастись. Но что, если каждое слово — ложь, каждый благодетель — враг и даже самой себе она не может доверять?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-164608-0

© Паркер Оушен, 2024
© *uminoko*, иллюстрация на обложку
© *LevandaArt*, иллюстрации
© ООО «Издательство АСТ», 2024

**Список ныне живущих,
упоминаемых в книге богов высшего мира:**

Гор — бог неба и солнца, сын Исиды и Осириса, отец Амсета, Хапи, Кебехсенуфа.

Кебехсенуф — третий сын Гора, защитник Гора.

Иунит — богиня любви.

Онурис — бог охоты.

Птах — бог правды.

**Список ныне живущих,
упоминаемых в книге богов низшего мира:**

Акер — бог земли, страж врат Иалу и покровитель умерших.

Аментет — богиня Запада, плодородия и покровительница умерших.

Амсет (Габриэль) — второй сын Гора, защитник Гора, хранитель пламени Дуата.

Анубис — бог смерти, страж весов.

Бастет — богиня жизни, защитница Ра, создательница хранителей и покровительница умерших в Иалу.

Маат — богиня правды, дочь Сета.

Мафдет — богиня, покровительница умерших в Иалу, жена Исдеса.

Исдес — бог иллюзий, покровитель умерших в Иалу, муж Мафдет.

Сатет — богиня, дочь Аментет и Амсета.

**Список погибших, но упоминаемых в книге богов
высшего и нижнего мира:**

Сет — бог ярости, песчаных бурь и хаоса, брат Осириса, отец Маат.

Осирис — бог возрождения, после победы в войне с Сетом — правитель Дуата, судья душ усопших, брат Сета, муж Исида, отец Гора.

Исида — богиня плодородия, жена Осириса, мать Гора.

Анукет — богиня-покровительница умерших.

Хранители богов:

Мираксес — хранительница Маат.

Дориан — хранитель Амсета.

Вивиан — хранительница Амсета.

Шесему — хранитель Бастет.

В книге присутствует отхождение от общепринятой мифологии. Некоторые мифы о египетских богах переосмыслены, некоторые — полностью изменены.

I

Мне казалось, что бесконечный мрак длился целые столетия. Бестелесная, лишённая тревог и скорби, подобно сгустку слабой, но постепенно усиливающейся энергии, я существовала в пространстве. Меня не было ни в мире живых, ни в мире мёртвых. Я была между материями, сочилась сквозь время.

Когда-то я уже была в подобном месте, и очень скоро в подтверждение этой догадки пришли первые видения — словно тьма нашёптывала сказку, используя тени.

Всё началось во мраке. Здесь, в бесконечности, неподвластной восприятию богов и людей, формировалась энергия. Нун, сотворивший себя отец богов, был первым, кто вышел из Тьмы, разделившись на множество стихий и граней сущего, создав первых богов и первую твердь, выступившую из-под вод Океана. После в небе воссияло Солнце. Его свет рассеял тьму первоначального Хаоса, и девять богов — Осирис, Сет, Исида, Нефтида, Атум, Шу, Птах, Геб и Нут — сотворили более примитивную жизнь на Земле и под ней: мир людей и Царство вечной ночи, куда смертные уходили после кончины, чтобы расплатиться за грехи или получить награду за праведные поступки*.

Какое-то время боги жили в мире и согласии. За помощь и покровительство люди несли им дары: свои души. Создав новую жизнь, боги пожертвовали частью силы, и каждый

* На основе книги: Шоу Гэрри. Египетские мифы. От пирамид и фараонов до Анубиса и «Книги мёртвых» — М: МИФ, 2023.

оборот Луны вокруг Земли нуждались в восполнении утраченного.

Как и люди, которые были созданы по их же подобию, боги были склонны к печали, зависти, похоти, любви, ненасытности и жажде власти.

Между Сетом и Осирисом вспыхнула война. Она длилась тысячелетия и, как любила рассказывать Бастет, никогда бы так и не закончилась, если бы в порядок бытия вновь не вмешался Источник. Он подарил миру двух истинных богов, чьей миссией стало восстановление порядка и равновесия между враждующими богами.

Осирису источник даровал сына Го́ра, а Сету — меня, Маат, богиню разума и первую истинную богиню.

Голос. Солнце. Шелест песка. То особенно тёплые, то до дрожи прохладные порывы сильного ветра. Касание. Невесомое, нежное касание женской ладони.

— Пейте, госпожа, — шелестела пустыня.

Обессиленная горем и ужасом, я приоткрывала онемевшие губы, чтобы позволить прохладным каплям смочить иссохший язык.

— Спите, госпожа, вам нужны силы.

Нет. Не нужны. Я хотела лишиться всех сил, что ещё поддерживали жизнь внутри тела. Я хотела, чтобы забвение поглотило меня, как поглотило Алекса. Я жаждала смерти, но вместо этого, содрогаясь всем телом в лихорадке, потерялась в лабиринтах собственных воспоминаний.

Нижний Египет, 1960 год до н. э.

Сет долго скрывал сам факт моего рождения. Я была слишком мала и толком не понимала, что происходило между ним и Осирисом, а потому ни о чём не спрашивала.

Он не был любящим и чутким отцом. Несколько десятилетий, даже толком не зная, кем являлась, я просидела в четырёх стенах — как уже потом выяснилось, в мире людей, в высшем мире. Я просто плыла по течению, не ведая о существовании людей и богов. В моём маленьком мирке была лишь одна молчаливая прислужница, которая быстро убедилась, что жизнь, которой я живу, единственно возможная. Я буквально не подозревала о том, что где-то существовал кто-то, кроме неё, меня и отца. Меня не интересовала бескрайняя пустыня, в центре которой стоял наш домик. Иногда я выходила на порог и, подолгу глядя в никуда, зарывалась босыми ступнями в горячий песок.

К тому моменту, когда Гор, родившийся в ту же секунду, что и я, достиг полной зрелости и развил свои силы, моё тело сохраняло облик пятилетнего ребёнка. Я даже не знала, что спустя сорок лет должна была хоть немного вытянуться.

Каждый вечер перед сном прислужница заплетала мои волосы, негромко пела на незнакомом языке, а потом, пока я засыпала, терпеливо ждала у двери. В наших отношениях не было нежности, но я в ней и не нуждалась. Я не догадывалась, что могло быть иначе, но одной ночью меня разбудило чьё-то прикосновение. Прислужница касалась меня редко, но в тот первый раз меня просто гладили, и от этого стало так приятно, что на ногах и руках зашевелились волосы.

Необычной красоты молодая женщина в длинных бесформенных одеяниях, сотканых из света и серебра, продолжала перебирать мои волосы, а когда увидела, что всё это время за ней наблюдали, вскрикнула от неожиданности и чуть кубарем не слетела с постели.

— Ты меня напугала, — прошептала она. Я продолжала на неё тарачиться. — Мати.

Я молчала, потому что не умела вести разговоры.

Немного растерянная и смущённая, она аккуратно вернулась в прежнее положение и снова положила руку на мой лоб.

- Милая, ты умеешь говорить?
- Да, — не моргая, ответила я.
- Тушканчик, меня зовут Бастет.

Сирия, 662 год н. э.

Звук закрывающихся ставен сменился завыванием ветра. Люди попрятались по домам и затихли. Лишь песок шуришал под моими ногами. Он закручивался вокруг нас, трепал полы чёрной мантии, и после выжившие в этой деревне ещё долго разносили легенду о самой смерти, что пришла к ним посреди ночи.

Мы надвигались на деревню, словно цунами. Мы были голодны, но никто из здешних не планировал добровольную капитуляцию. Ислам пришёл на эти земли, и вера в нас ослабла. Маат, богиня разума и истинная богиня, стала всего лишь легендой.

Но эта легенда была зла и голодна. Насытиться душами тех, кто перестал верить, стало почти невозможно. Чтобы поддерживать силы, приходилось вырезать целые деревни, утратившие веру в настоящих богов.

Мираксес, в обличье огромного чёрного кота размером со льва, шагала рядом. Погружаясь лапами в мягкий песок, она водила мордой и рычала. Это означало, что здесь не осталось ни одного человека, верующего в нас. В меня. Также это означало, что ради насыщения нам придётся перебить их всех.

Первым был старик. Он не успел спрятаться, но принял встречу с нами достойно. Встав на колени, он сложил руки в молитве. Мираксес обошла его со спины и облизалась. Я же ждала, пока мужчина закончит.

Когда он наконец поднял голову и посмотрел мне в глаза, я протянула вверх руку, и тени, словно нити, сползли вниз, протянулись по земле и обвили его тело. Старик задрожал, закатил глаза, а из беззубого рта потекла слюна. И так было с каждым, кто посмел перестать верить в нас. В единственных и истинных богов.

ПОГРЕБЁННЫЕ. ЛЕГЕНДА О МААТ

— Я даю ей воду, — прошептала женщина.

— Мои целебные травы. Подавай с питьём дважды в день. Я спрошу с тебя, если с ней что-то случится. — В голосе отчётливо слышались высокомерные нотки.

— Конечно, госпожа, я сделаю всё, как вы велите. Но девочка умирает. Посмотрите на неё...

— Думай, о чём говоришь, Фирузе. Она не просто девочка. Она...

Они обсуждали то, как скоро я умру, по пять раз на дню. Я же ждала, когда их пророчество сбудется и уже в следующее полнолуние воды Нила унесут меня к предкам. Что угодно, лишь бы избавиться от этих образов в голове.

Ещё через день женщина приложила к моей шее мокрую тряпку. До того как прохладная ткань коснулась кожи, я и не подозревала, что сгораю заживо.

— Да у вас лихорадка, госпожа! — ахнула она и резко встала. Заскрипели половицы, хлопнула дверь. Женщина быстро вернулась и сунула мне в рот что-то до омерзения кислое, но я проглотила это вместе с водой из приставленного к губам стакана. Это был мой первый самостоятельный большой глоток за долгое время. После того как лекарство провалилось в желудок, я снова отключилась, на этот раз без видений.

Меня разбудил знакомый голос. Сперва он звучал отдалённо, но вскоре начал приближаться. Послышался смех. Кожа вспыхнула в том месте, где прохладные пальцы впились в мою руку. Двинувшись ниже, они переплелись с моими и сжали так крепко, что я вскрикнула и распахнула глаза.

В туманной дымке показалось знакомое лицо: сначала его пронзительные серые глаза, затем тонкие, изогнутые в нежной улыбке губы.

— Просыпайся, Аника, — позвал Робинс.

Я замерла, просто не поверила тому, что предстало перед глазами. Неверие спугнуло его, и я увидела Аарона. Опечаленный, он гладил основание моей ладони большим пальцем и тихо приговаривал:

— Открой глаза, Аманда.

Из горла вырывалось сдавленное рыдание, но я по-прежнему не могла двигаться. Не могла удержать его образ, и он растворился, тенью покинув комнату через приоткрытое окно.

— Не уходите, — прохрипела я. — Пожалуйста, не оставляйте меня одну.

— Я здесь, милая. Я здесь, — ответил уже другой голос, и я, крепко сжав прохладные пальцы, вновь потерялась во тьме, из которой, казалось, не было выхода. Я была навеки обречена слышать крики умирающих, чувствовать запах горящих тел. Я была навеки обречена жить в этой тьме, потому что была её порождением...

Первым признаки жизни подал желудок. Он урчал громко и требовательно, последние пять дней переваривая лишь самого себя. Жар спал, и я наконец почувствовала, как прояснилась голова.

Приподняться на локтях и осмотреться оказалось задачей повышенной сложности. В глазах троилось ещё какое-то время, но я смогла разглядеть мрачную комнату, посреди которой лежала на кровати, усыпанной разноцветными подушками. Единственное окно завесили тонким лоскутом ткани алого цвета, хорошо пропускающим яркий солнечный свет и покачивающимся на ветру.

За относительную прохладу внутри я могла благодарить холодные кирпичные стены. На той, что была прямо напротив моей постели, висел ковёр. В остальном здесь казалось пусто: в самом углу стоял небольшой деревянный стол и высокое напольное зеркало.

ПОГРЕБЁННЫЕ. ЛЕГЕНДА О МААТ

С улицы доносился шелест ударяющегося о стены и стекла песка. Небольшими пригоршнями, вместе со зноем и треском, похожим на пение цикад, он попадал в комнату через приоткрытое окно.

Я пошевелила онемевшими ногами и стряхнула цветастое покрывало из грубой, щекочущей кожу ткани. Сжав и разжав пальцы на руках, облегчённо выдохнула, последние несколько дней пребывая в уверенности, что полностью лишилась подвижности в конечностях.

Решив долго не затягивать, я опустила ноги на холодный каменный пол. Икры покалывало от долго лежания. Я вовремя опёрлась о матрас, когда зашаталась на подкосившихся колонях. Дав ногам минуту, чтобы привыкнуть, оттолкнулась от постели и сделала шаг в сторону стола, на котором стояла ваза с цветами.

— Боги...

Выбросив содержимое на пол и наплевав на привкусы тины, задыхаясь и захлёбываясь, я вливала в себя тёплую воду и не могла поверить собственному счастью. Капли, которыми кто-то смачивал мои губы, едва ли попадали в желудок. Я была так сильно обезвожена, что могла бы умереть. Могла бы, не окажись вдруг так, что имя мне было Маат.

Всё должно было закончиться в тот момент, когда тело Аники Ришар поглотила бездна. Перед тем как отключиться, я успела закрыть глаза, сделать глубокий вдох и подумать: «Всё кончено».

Но вот я здесь, где бы это «здесь» ни было, стою в мятой сорочке и хлебаю воду из вазы с цветами. Опустошив её за рекордные полминуты и пролив половину на себя, я облокотилась о стол, вцепилась в его края пальцами и вдохнула полной грудью в попытке усмирить бешеное сердце, которое так и норовило выпрыгнуть через рот.

Наконец, отдышавшись, я утёрла губы и уставилась в зеркало. То, что я увидела, поразило меня сильнее, чем должно.

Настоящая я и была той, кого Аника Ришар видела в кошмарах и отражениях зеркал, что казалось в крайней степени

ироничным. Мои глаза были обычными, но в то же время нет. Правый застлала серая, а левый — белая пелена. Выглядело так, словно я слеpla.

Я подошла ближе к зеркалу и коснулась щёк. Трогая мягкую кожу, опустила руки. Что-то изменилось, но я не могла понять, что именно.

Дверь скрипнула. В комнату зашли, но я не стала разглядывать лицо женщины и, набросившись на неё, вырвала из рук кувшин. Эта вода была холодной и на вкус гораздо приятнее, от чего по щекам потекли слёзы радости.

Незнакомка опешила.

— Госпожа, — сдавленно пробормотала она, видимо, уже смирившись с тем, что на кровати валялся труп, — я...

— Ещё воды, умоляю! — простонала я.

Она вышла за дверь и через минуту вернулась с кружкой и плоской посудиной, на которой лежали яблоки.

У меня совсем снесло крышу. Я пыталась пить и кусать одновременно, но подавилась и закашлялась. Когда приступ прошёл, засунула половину яблока в рот и, не разжёвывая, проглотила его и запила водой.

— Ох, слава Бастет, вы живы, госпожа, — лепетала маленькая женщина с круглым лицом. Мне наконец довелось разглядеть её, хотя глаза ещё слезились. Серое платье в пол с закрытыми рукавами подчёркивало полноту её тела. Такого же неприглядного цвета платок болтался на шее, частично цепляясь за узел чёрных волос на затылке.

— Вы знаете Бастет? — в надежде, что не всё ещё потеряно и никаких богов не существует, уточнила я.

— Конечно, госпожа. Ох, простите меня, дуру старую!

Я ничего не поняла, когда Фирузе — кажется, так её звали — упала на пол и вскинула вверх обе руки в странном молитвенном жесте.

— Великая, великая Маат...

Я только нелепо замычала, с уже меньшим остервенением продолжая хрустеть яблоком.

ПОГРЕБЁННЫЕ. ЛЕГЕНДА О МААТ

— Слава, слава великим богам! — продолжала причитать она, в силу возраста с трудом сгибаясь в спине, чтобы удариться лбом о пол в сантиметре от кончиков моих пальцев.

Дверь снова открылась, и на пороге замер мужчина. Нижняя половина его лица была закрыта тканью, но морщины в уголках чёрных глазах выдавали количество прожитых лет. Он был ровесником Фирузе, но на колени упал с большей прытью и гибкостью.

— Благословите, о великая богиня!

Мужчина сорвал с лица повязку, скомкал её в руке и обтёр вспотевший лоб, при этом странно на меня поглядывая. Когда в его глазах задрожали слёзы, я совсем запуталась в происходящем, положила огрызок от яблока на стол и неловко сцепила руки за спиной.

Фирузе тяжело задышала, будто тоже готова была расплакаться.

— Объясните мне, где я.

И желательно добавьте, кто я.

— Вы в храме, госпожа. В храме великой Бастет, — с благоговением почти пропела Фирузе.

— А вы кто такие?

— Мы те, кто ждал вашего появления несколько тысячелетий, — вызвался отвечать мужчина. — Мой отец ждал, мой прадед ждал, мой прапра...

— Я поняла, не продолжайте. — Я перекатилась с носка на пятку. — Как я здесь оказалась?

— Великая госпожа Бастет привела вас, когда вам было совсем плохо. Она попросила нас приглядывать за вами и защищать ценой собственных жизней.

— Она сказала, от кого вы должны меня защитить?

— От предателей, — закивала Фирузе.

— Понятно. — Ничего не было понятно. — Что ж, тогда начнём с того, что я голодна. Безумно.

— Возьмите меня, госпожа. Я, Ахмет, ваш покорный слуга...

